

Примечание переводчика.

Гриб Точукасо (冬草, дословно с яп. - «зимой — насекомое, летом — трава») Другое название Кордицепс китайский. Если в тёплое время года в личинку бабочки проникает спора кордицепса, то после зимы, с наступлением вегетации, эта спора трансформируется в корень. Из корня вырастает тело гриба, по виду напоминающее травинку. Весной растущий гриб использует для себя питательные вещества личинки. Гриб паразитирует на разных членистоногих, включая гусениц и муравьёв.

На востоке считают, что он якобы обладает широким спектром целебных свойств: начиная с профилактики раковых образований, заканчивая эффективным средством от болевых синдромов и повышения сексуального либидо.

1. Папа.

— Так это правда?

Вежливо переспросил Джинши, используя учтивые обороты в своей речи, однако для обращения к милостивому государю их явно было недостаточно. Император, мужчина зрелого возраста с великолепными усами и бородой, степенно кивнул ему в ответ.

Разговор этот состоялся в одном из дворцов на территории Императорского Двора. И хотя сама постройка было небольшой, окрестности из неё просматривались настолько хорошо, что даже мышь не могла проникнуть туда незамеченной.

Государь неторопливо налил себе виноградного вина из хрустального кувшина и вальяжно расположился на кушетке, инструктированной слоновой костью. Джинши, хоть и находился сейчас в обществе человека подобного богу в этой стране, чувствовал себя весьма непринужденно. Однако, только до последнего момента.

Император, поглаживая свою великолепную бороду, многозначительно усмехнулся. Коварный. Хотя это слово и могло показаться грубым по отношению к нему, однако оно очень хорошо ему

подходило, ибо он был человеком, который никогда не проигрывает.

- И как же ты поступишь теперь? Будешь ли садовником, присматривающим за Нашим Садам Цветов, или ...

Джинши от этих его явно провокационных слов хотелось горько рассмеяться. Однако даже в этом случае его улыбка была бы улыбкой небесной феи, способной очаровать любого. Весь этот разговор даже сам по себе - был смешон, ибо единственное в чем Джинши был уверен - это в силе собственной внешности. Какая ирония судьбы, но то, к чему он на самом деле стремился, все никак не давалось ему в руки. Сколько бы усилий он не прикладывал, но так и не смог развить у себя хоть сколько-нибудь выдающийся талант. Вот так все и свелось к тому, что уровень обычного человека - это его предел, и внешность -единственное, в чем он превосходит других.

В прошлом он долго не мог смириться с этим, однако теперь отчетливо осознавал и понял - если не можешь превзойти уровень талантливых людей ни в искусстве войны, ни в учености, тогда используй то, в чем ты превосходишь их. И вот, он становится тем, кто контролирует весь Женский Дворец силой своей красоты. У него слишком смазливая внешность для мужчины, его голос слишком слащав, так почему бы не воспользоваться всем этим по полной?

- Если на то будет ваша воля.

С изяществом поклонился Императору Джинши, не скрывая своей упрямой улыбки.

Сделай это, если сможешь. Усмехнулся Император, отпивая вино из кубка.

Джинши прекрасно понимал, что для него - он всего лишь ребёнок, который только и может, что отчаянно барахтаться на больших ладонях Императора.

Поступай как хочешь.

У Джинши нет иного выбора, кроме как удовлетворить желание сумасбродного Императора. Это и его долг, и ставка в игре с ним.

И он во чтобы то не стало выиграет её. Но единственный способ – это пойти своим собственным путем. Наверное, были и другие, но Джинши, как самый заурядный человек, о них даже и не думал.

Поэтому сейчас он выбирает свой путь.

Джинши, чтобы смочить горло, поднес кубок со сладким фруктовым вином ко рту.

И прекрасная улыбка небесной феи расцвела на его губах.

□●□

- Так, возьми это, и это... Ах, и еще вот это.

Женщина, с лихорадочной поспешностью швыряющаяся одеждой, румянами и белилами, была гейшей Меймей. А место – личная комната Меймей в Рокушоукане. В которую Маомао привела

девочка-прислужница.

- Старшая сестра, мне все это не нужно.

Маомао, схватив белила с румянами, брошенные ей, и вернула их обратно на полку. Меймей, возмущенная её поступком, начала упрекать её:

- Как это может быть тебе не нужным? Там же все только самое лучшее носят. Для того, чтобы достойно выглядеть, это такая мелочь.

- Я же туда работать иду, а не себя показывать, как какая-то девица легкого поведения.

«А могла бы заняться приготовлением лекарственных трав, собранных вчера», - с нетерпением думала Маомао, когда в неё прилетела бамбуковая дощечка. Это хорошо, конечно, когда о тебе заботятся, но зачем же, всплыв, швыряться своими вещам? Маомао, обхватив голову руками, присела на корточки.

- Ты с таким трудом смогла получить достойную работу, а о том, как на ней будешь выглядеть в глазах окружающих, даже и не подумала. Жизнь такова, что неизбежно появятся люди, которые позарятся на твое место. Какая разница там или тут, но если жить, не проявляя должного почтения, то все клиенты, завоеванные с таким трудом, просто сбегут от тебя.

- ... поняла.

Старая Мадам ей это говорит, Меймей ей это говорит, школа Рокущоукана была весьма жестокой. Однако на этот раз слова Меймей прозвучали очень убедительно, Маомао немного неловко, словно смущаясь, подобрала бамбуковую дощечку, потемневшую от того, что на ней писали множество раз, соскабливали и снова писали. К тому же на дощечке изящным, каллиграфическим почерком были выведены стихи. Меймей была уже в том возрасте, когда

большинство гейш задумываются о том, чтобы оставить свое ремесло. Однако несмотря на это даже сейчас её успех не ослабевал, и всё благодаря её интеллекту. Она развлекала своих гостей сочинением стихов, игрой в го и сёги. Она была гейшей, продающей не чувственные наслаждения, а свое мастерство.

Меймей была одной из «Трёх принцесс» Рокушоукана. Это знаменитый публичный дом с длинной историей, сколько труда и усилий в постижении ремесла гейши требовалось приложить, чтобы суметь подняться в нём на вершину? Однако про Меймей говорили, что она достигла своего положения благодаря старшей сестре, когда-то давно обучившей её всем премудростям своего ремесла. В публичном доме, когда произносят «Старшая сестра», вовсе не имеют в виду кровное родство. Для Меймей это была женщина, когда-то давно нанявшая её на работу в качестве девочки-прислужницы.

Три гейши, известные сейчас как «Три принцессы» Рокушоукана, все они в свое время попали в услужение к одной и той же старшей сестре.

- Тебя наконец-то приняли на работу в такое достойное место. Заработай там денег как следует.

Не было больше буйной ведьмы, швыряющейся бамбуковыми дощечками, а была нежная и заботливая старшая сестра, которая кончиками пальцев с накрашенными ногтями погладила Маомао по щеке и убрала за ушко выбившуюся прядь волос.

- ... Да.

Покорно ответила Маомао Меймей, которая изящно и нежно улыбнулась ей.

- И, что самое главное, обязательно найди там себе хорошего покровителя. Работая в таком месте, можно обзавестись очень многообещающими связями. Ах, и при случае почетных гостей не забывай приводить, я буду рада.

Улыбка, до недавнего времени бывшая нежной и ласковой, изменилась, став коварной.

«Меймей, смеющаяся «ку-ку-ку», чем-то неуловимо напоминает старую мадам», - подумала Маомао. Про женщин, ставших продажными, часто говорят, что без жестокости и хитрости лисицы им не выжить в этом мире. Такие уж они были люди.

В конечном итоге Маомао отправилась домой, нагруженная большим, баулом, битком набитым одеждой и косметикой. По дороге другие гейши тоже окликали её и вручали разнообразные подарки, в одностороннем порядке беря с неё обещание привести с собой новых клиентов, Маомао, пошатываясь под тяжестью вещей, вернулась в свой ветхий домишко

В её памяти были еще свежи воспоминаия о том дне, когда спустя полмесяца после её ухода из Женского Дворца в Квартале Цветов появился прекрасный благородный господин.

Этот эксцентричный евнух за чистую монету принял слова Маомао, сказанные в шутку. А потому взял на себя все её долги, выложив перед алчной старухой такую гору денег, что той еще и на сдачу осталось, и принес с собой в качестве небольшого подарка гриб точукасо, выравнивающий потоки энергии в теле. Поэтому чтобы поставить печать на договор, даже четверти часа не понадобилось.

Вот так и получилось, что Маомао вновь придется вернуться на службу в то благородное место. Однако она чувствовала себя слегка подавленной оттого, что снова вынуждена будет оставить своего отца одного, ведь жить она тоже должна будет там. Однако условия договора по сравнению с прежними ограничениями оказались более мягкими. Ну, по крайней мере, на этот раз она хотя бы не будет считаться пропавшей без вести в неизвестном направлении. Да и папа тоже ласково ей улыбнулся, мол поступай так, как считаешь нужным. Однако, когда он увидел договор, его лицо при взгляде на Маомао на мгновение стало мрачным, чтобы это могло значить? Ну, возможно, такое выражение на лице её отца, который и сам был евнухом, связано с тем, что у него остались не самые лучшие воспоминания о месте его службы, а потому она

решила не слишком заморачиваться по этому поводу. Ведь все эти глубокие размышления – всего лишь пустая трата времени и, как это часто бывает в жизни, не имеют особого смысла.

- Все ли взяла?

Флегматично спросил её отец, помешивая лекарственный отвар в котелке.

В их ветхой лачуге, продуваемой сквозняками, было холодно даже несмотря на огонь, горящий в печи. Чтобы согреться, Маомао с отцом вынуждены были одевать на себя несколько слоев одежды. Заметив, что отец часто потирает свое колено, она подумала, что, наверное, это то место, которое когда-то давно было искалечено палачами, и сейчас оно болит и ноет.

- Я не могу взять с собой много вещей.

Маомао посмотрела на горку собранных уже предметов. Ступка с пестиком, дробилка для ингредиентов, тетрадь с заметками по лекарственным травам, минимум необходимой одежды и нижнего белья.

(Ступка с дробилкой мне просто жизненно необходимы, тетрадь с заметками тоже. Но если еще больше уменьшу количество нижнего белья...)

Пока Маомао хмурилась и ворчала, отец снял котелок с огня и подошел к ней.

- Маомао, вот это, наверное, тебе нельзя приносить с собой.

Маомао с сомнением посмотрела на отца, убравшего из платка, на который она складывала вещи, предметы, используемые для создания лекарственных снадобий.

- Поскольку ты не являешься придворным лекарем, то из-за обладания этими вещами тебя могут начать подозревать, а не отравительница ли ты. ...Эй, не делай такое лицо. Это было твое собственное решение, сейчас уже поздно что-либо менять.

- Не может быть...

Маомао без сил осела на земляной пол.

Её лицо, Маомао порой казалось, что отец по одному взгляду на него может понять, что она хочет ему сказать.

- Я все понимаю, но лучше поскорее закончи со сборами и ложись спать. Есть вещи, которые ты сможешь забрать с собой позже, разумеется, после того как получишь разрешение на это. Нехорошо, если ты будешь выглядеть рассеянной и витать в облаках в первый же рабочий день.

- ...поняла я.

Маомао неохотно вернула утварь для приготовления лекарств на скрипучую полку, а вместо неё на платок положила несколько вещиц, подаренных ей на прощанье и показавшихся полезными. Прищуриив глаз, она скептически посмотрела на пудру из перламутра в придачу к алым румянам, в итоге положила на платок просто румяна, которые не были такими объемными.

Из подаренных ей вещей она так же взяла с собой отличного качества куртку, подбитую хлопком. Наверное, кто-то из клиентов оставил её, ибо по своему внешнему виду это была совсем не та вещь, которую стала бы носить гейша.

Маомао посмотрела на отца, подкладывающего дрова в печку и убирающего котелок на место. Тот, закончив возиться с дровами, своей прихрамывающей походкой, на которую больно было смотреть, подошел к футому - соломенной циновке, накрытой всего лишь тонкой тряпицей, и начал готовиться ко сну. Укрывался он тоже соломенной циновкой и ворохом одежды, которую не носил на себе.

- Эй, если ты закончила, я потушу свет.

Сказал папа, держа в руках подвесной фонарь, пахнувший рыбьим жиром.

Маомао, завязав платок с вещами, собиралась уже пойти лечь в постель, расположенную на другой половине комнаты, как одна мысль внезапно пришла ей в голову. С шумом она волоком потащила свой футом.

- Что это, сколько лет прошло? Ты ведь давно уже не маленький ребенок?

- Ну, холодно же...

Маомао немного смущенно отвела взгляд в сторону. Однако притащенный ею футом все же пристроила рядом с постелью отца. Наверное, ей лет десять было, когда она начала спать отдельно. И правда, сколько уже лет прошло...

Маомао, повесила между их футонами подаренные ей великолепные одежды и медленно закрыла глаза. Свернувшись калачиком, легла поудобнее.

- Снова будешь скучать?

Как всегда, флегматично спросил её отец.

- Не особо. На этот раз я могу вернуться в любое время.

Сухо ответила ему Маомао.

Но все же ей стало немного теплее оттого, что спиной она соприкоснулась с папиной рукой.

- Я знаю, возвращайся, когда захочешь, в любое время...

И шершавой рукой погладил Маомао по голове. Хоть она и называла его «папа-папа», однако внешне он был больше похож на старуху. И если бы её попросили описать его характер, она бы сказала, что он был как мама.

У Маомао не было своей матери, зато был добрый и ласковый папа, шумная и раздражающая старая мадам и много живых и ярких старших сестер.

(Потому что я могу вернуться в любое время)

И хоть она повторяла мысленно эти слова, все равно чувствовала себя одинокой. Маомао, ощутив родное, умиротворяющее тепло от шершавой, словно кора высохшего дерева, ладони, продолжающей гладить её по волосам, сонно засопела.